



«будем как Солнце», страшно заинтересовалось искусством дикарей, психологией толпы и вообще начало налево и направо отрекаться от старого мира. Впрочем, и сам Фрейд тут дает слабинку — описывая отношения между зятем и тещей у австралийских аборигенов (им там запрещено находиться в одном помещении, встречаться лицом к лицу и разговаривать), он сначала объясняет, как это разумно в том смысле, что как бы чего не вышло, а потом добавляет, что неплохо бы и нам что-нибудь такое возродить.

Но дело не в теще. Центральный тезис Фрейда заключался в том, что характер психологического рисунка человека формируют трансформации развития его сексуальности под влиянием событий, случившихся с ним в детстве. Историю про развитие тотемических представлений, скажем, он иллюстрирует рассказом о болезни мальчика Арпада. Этот мальчик в 2,5 года отправился пописать в курятник, а там курица клюнула его в куда не надо. От этого он сошел с ума, все время рвался в курятник, кудахтал и кукарекал до 5 лет, а потом хотя заговорил, но все время говорил про птиц и пел про них песни. Он очень любил играть с курами, а в особенности их резать. Он устраивал танцы вокруг зарезанных кур, пел гимны, это было для него чистое наслаждение. Он благоговел перед петухом, который психологически заменил ему отца. Так, по мнению Фрейда, рождается тотем. В основном его занимает тема сочетания большой любви мальчика к курам и желания их резать. Вот и с тотемными животными та же история, потому что их, вообще-то, нельзя есть, но их приносят в жертву — и тогда едят,

одновременно оплакивая. Сочетание нежности и желания убить рождает сложные комплексы чувств, вокруг которых образуется понятие сакрального. Вообще, Фрейда страшно занимало это сочетание любви и ненависти, впоследствии он посвятил ему целую работу «Эрос и Танатос», но так и не разобрался, почему человек так противоречиво относится к объекту своей страсти, что все время хочет его убить. По скромному мнению далекого от психоанализа наблюдателя, проблема заключалась в том, что Фрейд много думал о сексе, но был очень воздержан в пище, а у животного, кроме желания размножиться, есть еще желание покушать. Правда, мне кажется, это странное желание убить то, что любишь, объясняется вовсе не сексуальными перверсиями, а инстинктами млекопитающих — волки, скажем, тоже испытывают большую нежность к зайцам.

Но это в сторону. Тут ведь главное, что чувство божественного, которое родилось у мальчика Арпада, прямо связано с его походом в курятник с целью там пописать. А что было бы, если бы он не пошел? Раз подобные обстоятельства — курица клюнула куда не надо, подсмотрел интимные отношения мамы с папой, увидел голую сестру, съел свою какашку, да мало ли какие еще глупости случаются с младенцами — определяют структуру нашей личности, то, значит, мы совершенно случайны. Ни божественный промысел, ни высокое предназначение, ни образование, ни традиции, ни свет Разума — ничего нас не определяет. Нас определяет совершенно случайное стечение дурацких мелких обстоятельств, и мы можем быть совсем другими. Надо ощутить,

насколько остро это звучало в 1913 году, когда о том, что «Бог умер», Ницше написал совсем недавно и для многих эта мысль была новой. Вообще говоря, фрейдизм — самое радикальное обоснование свободы, которое можно придумать. Раз случайны — значит, свободны, поскольку нет никакого закона, который бы предопределял замысел о нас. Мы можем делать что угодно, потому что с нами могло произойти все что угодно, и из-за этого мы такими и выросли.

Но тогда возникает вопрос, как же это все управляется, как люди могут существовать вместе. Биологически никто не мешает людям ни есть друг друга, ни вступать в сексуальные отношения с близкими родственниками. В чем причина того, что они этого не делают? Томас Манн написал про «Тотем и табу», что с литературной точки зрения это лучшее эссе Фрейда. Вероятно, оно прекрасно с точки зрения языка, но дело, возможно, и в том, что Фрейд, по сути, сочинил в этой книге свой миф. Значит, дело было так. Люди жили как обезьяны, то есть одному самцу принадлежали все самки племени (о гомосексуальных связях у обезьян тогда не знали). Отец при этом был похож на животное. Скажем, на барана. И вот сыновья собрались вместе и убили отца. И съели. Но поскольку они испытывали к нему большую нежность, то очень горевали. Кроме того, они поняли, что если самый сильный из них опять примет за старое, то его опять съедят со всей нежностью. И тогда они договорились, что они все — люди Барана с большой буквы, и женщины тоже. И, во-первых, договорились никогда не есть Барана, а во вторых — не вступать в половые отношения с женщинами племени Барана. Но время от времени они

все же поедают Барана со всей торжественностью и нежностью, обливаясь горькими слезами по поводу его кончины. Это их спланирует через чувство вины.

Честно говоря, социологически это — курам на смех. Ну хорошо, эти съели папу, похожего на барана, но, чтобы это все работало, нужно, чтобы соседи тоже съели папу, похожего, скажем, на козла, и надо еще договориться, что все самцы Барана могут крыть всех самок Козла и наоборот. Кто бывал в деревне на танцах, где, скажем, сходятся деревни Козлово и Бараново, знают, как это работает. Даже как миф это очень так себе, по сравнению с тем, что делал Томас Манн, это детский сад. Но сама система регуляций этих тотально свободных, случайных людей — это оказалось сильной логикой. Фрейд — точка схода логики эволюции XIX века и логики одичания века XX. Тотем и табу — вот что управляет этими психами. И желание нарушить табу, и желание съесть тотем и самому сделаться тотемом. Что такое Троцкий в 1935 году? Табу. Товарища Сталина нельзя объяснить в логике демократии, меритократии, оклократии — никак. Товарища Сталина можно объяснить только как очень большое животное, которое толпа невротиков признала своим тотемом, одновременно тая от любви к нему и содрогаясь от желания убить. Что такое вождь — в Германии, в Италии, в СССР? Тотем! Тотемы, кстати, бывают разные, иной раз и Стерх достанется. Так и живем — до категорического императива Канта опять расти и расти. Хорошо бы как-то побыстрее, чем в прошлый раз, но, к сожалению, подстегивание истории для нас после опытов XX века — тоже табу.